Материнство. Элегия

Волчек Ирина

- психоаналитический психотерапевт, тренинговый аналитик ЕАРПП

Действительно существуют национальные особенности личности, соответственно, можно попытаться увидеть и национальные особенности материнства.

Задумавшись над темой «Национальные особенности материнства», я попыталась поискать ответ на свой вопрос: что откликается и почему мне интересно об этом поразмышлять?

Начались мои размышления с групповой супервизии. Молодая коллега — многодетная мать, красивая русская женщина — принесла случай в группу: 2,5 года она пытается вытянуть 35-летнюю наркоманку. Я погружалась в историю коллеги и думала: как у этой хрупкой женщины хватает сил принимать, выносить, переваривать столько ужаса, боли, катастроф своей пациентки? Откуда ресурсы берутся у этих молодых, прекрасных русских женщин?

Говорю о «русских» и возникает внутреннее напряжение. Меньше всего я хотела бы показаться пафосно-националистичной. Я не считаю, что есть лучшее материнство или худшее материнство, зависимое от национальности. Но! Ведь никто не будет спорить, что, например, существует понятие «западная ментальность», как и то, что существует понятие «русская душа». Ментальность русского и европейца имеет существенные различия.

То есть действительно существуют национальные особенности личности, соответственно, можно попытаться увидеть и национальные особенности материнства.

А может быть, мне просто хочется осознать свою русскую материнскую идентичность.

Думаю, что специалистам, работающим с психикой, нельзя не обращать внимание на то, что происходит во внешнем мире. А говорят ли в мире о специфике какой-либо нации? Да, говорят, и в последнее время очень много говорят о русских. Русскими стали пугать. К сожалению, в Европе слово «русский» стало устрашающим. Если послушать европейских лидеров, то воинственнее и кровожаднее русских просто нет в мире.

Мое субъективное мнение основывается на том, что массовое общественное сознание всегда формируется с какой-то целью. А еще я знаю, что большинство войн на земле ведется за богатства недр, за ресурсы. Россия — богатейшая и самая большая страна в мире. Возможно, это звучит упрощенно, но атака на «русское» мне объясняется именно этим фактом.

А еще Россия — страна с действительно уникальным недавним прошлым. Русским вместе с братскими народами удалось построить первую в мире страну, где действительно попытались реализовать жизнь людей на основе справедливости, равенства и братства.

Возможно, мой личный интерес — поговорить о русском материнстве — возник как желание справиться с настоящей ситуацией, попытаться сказать о том «хорошем», что есть в наших людях, в русских матерях.

Так вот, возможно, мой личный интерес — поговорить о русском материнстве — возник как желание справиться с настоящей ситуацией, попытаться сказать о том «хорошем», что есть в наших людях, в русских матерях. Ведь всегда пытались понять «русскую душу». Вот и я попробую.

Вначале поговорим о матерях и материнстве.

Французские аналитики Натали Эйниш и Кэролин Эльячефф проделали серьезную работу и выделили два вида материнства: женщины — больше женщины и женщины — больше матери.

Мне такой подход видится универсальным, подходящим для любой женщины, независимо от национальности. Но не могу не согласиться, что существуют более тонкие национальные особенности. И здесь, я думаю, основную роль играют как исторические, так и социально-культурные факторы. Однозначно существуют национальные особенности материнства, которые, конечно же, связаны с женской идентичностью.

Попробую это описать. Русская душа. Русская женщина-мать. Русская женщина-психоаналитик. В чем же ее особенность?

Пишу о себе (немного самораскрытия). Я была советским ребенком, пионеркой и даже комсомолкой. И вот с перестройкой к нам пришла рыночная экономика, другой

уклад жизни. В начале 90-х я стала матерью, вскоре познакомилась с трудами Зигмунда Фрейда и психоанализом. Тогда, в 90-е в нашу советскую специфическую многонациональную самобытную культуру принесли средиземноморский миф. О царе Эдипе. Мы, конечно же, его взяли. И, конечно, с восхищением и благодарностью. Мы вообще всегда все с Запада принимали с восхищением и благодарностью. И сейчас продолжаем это делать. Это наша национальная особенность.

> Существуют национальные особенности материнства, которые, конечно же, связаны с женской идентичностью.

Так вот, помню свое удивление, восхищение, оттого что внутри многое отзывалось. Фрейд писал то, что как-то угадывалось, чувствовалось, но никогда ни с кем не обсуждалось. Помню свою реакцию на миф — ничего себе, неужели так бывает? Напомню: Иокаста родила Эдипа, он был ее сыном. Но ее мужу, царю Лаю, предрекли смерть от руки сына. Он серьезно испугался. Так, что предложил жене Иокасте избавиться от ребенка. И мать, носившая ребенка внутри своего тела, согласилась избавиться от него: перевязав ноги сыну, вероятно, чтоб меньше шансов выжить, опустили его в люльку и отправили по реке, отдали воле волн. Он выжил, его спасла другая родительская пара. А Иокаста впоследствии предстала перед ним прекрасной женщиной, соблазнившей молодого мужчину и даже родившей потом ему детей, не зная, что это ее сын. Помню, у меня как-то не укладывалось в голове, что так можно.

Я не представляла себе и не знала, что так делают.

О русской женщине у меня было представление из школьного курса литературы. Помните, мы все изучали стихи Николая Алексеевича Некрасова «Русские женщины».

Некрасов был поэтом, а у поэтов чувственные души. Он восхищался русскими женщинами.

Вот, пожалуйста, русский миф (вернее не миф, а реальная история) в противовес средиземноморскому.

Некрасов написал поэму о женах декабристов. Дворяне-мужчины осмелились выступить против Царя-батюшки, за что были наказаны лишением всех своих титулов и ссылкой в Сибирь пожизненно. 28 светских львиц, дворянок, решили отказаться от титулов и последовать в Сибирь за своими мужьями. 11 из них сделали это сразу, не раздумывая, — пошли на лишения, уехали к мужьям в жуткие условия жизни. Нет, они не избавлялись от своих детей ради продолжения счастливой жизни с мужьями, а оставляли своих детей своим родным, не решившись их лишить хорошей жизни в привычных им условиях. Такая она — преданность мужу по-русски. Именно этим и восхищался Некрасов.

> Откуда у нас, как ни у какого другого народа, возник «институт бабушек» — это ведь типично русская история?

Русской и советской женщине на протяжении 20-го века приходилось выживать, спасать, сохранять и растить.

Пусть смерть мне суждена, мне нечего жалеть.
Я еду, еду, я должна близ мужа умереть!

Мой долг — я слез не принесу в проклятую тюрьму,
Я гордость, гордость в нем спасу, я силы дам ему!

Спасти мужа, мужчину. Дать ему гордости, силы.
Похоже, Некрасов считал, что это свойственно русской женщине, дворянке, княгине Екатерине Трубецкой.

А это уже не про дворянок, а о простой русской женщине-крестьянке. Поэма «Мороз — красный нос».

Доля ты, русская долюшка женская,
Вряд ли труднее сыскать…
Слышится крик у соседней полосоньки,
Баба туда, растрепалися косоньки,
Надо ребенка качать.

Похоронила крестьянка своего Прохора, пришла домой, а там печь остыла. Взяла она топор, лошадку с санями и пошла в лес за дровами. Детей ведь поднимать надо и за стариками ухаживать, оставшимися без помощника. Теперь она их всех кормить будет.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц…
Идет она той же дорогой,
Какой весь народ наш идет…

Писал это Некрасов в 19-м веке и не знал, какой дорогой пойдет наш народ в 20-м веке. Дорога эта оказалась очень трудной и неповторимой.

20-й век — век уникальный и катастрофический для России. Наша огромная страна вошла в 20-й век империей. Ее

Что передает со своим грудным молоком русская-советская женщина своему ребенку, «чем она его кормит»? Здесь можно говорить о нашей национальной травме — о трансгенерационной передаче горя.

> Я думаю, особенность русского материнства, помимо трагизма истории, еще стоит на тысячелетней православной вере

пытались втолкнуть и втолкнули в мировую войну. Влияние внешних и внутренних сил привело к первой в мире социалистической революции. Нашу страну раздирала потом гражданская братоубийственная война.

Новое советское государство, которому не было образца, не за кем было идти и не на кого было ориентироваться, самостоятельно выживало и пробивало себе путь через вынужденную жестокость, репрессии, страх, но и не без веры в светлые идеалы справедливости и не без энтузиазма. Еще не успели мы встать на ноги, как на нас, как на выродков, позволивших себе пойти своим путем, натравили гитлеровский национализм и фашизм. И четыре долгих года наша многострадальная Родина отдавала своих сынов в жернова войны за освобождение мира от безумия, национализма, фашизма и милитаризма. За полвека наша страна потеряла столько мужского населения, сколько ни одна страна не теряла, разве что в средневековых эпидемиях (но там умирали не только мужчины).

Так вот: весь этот путь со страной прошла и русская женщина, какой вышла она из этой мясорубки, какой стала русская советская женщина-мать?

Не люблю обобщать, но придется. После революции в Советском государстве реализовался феминизм — женщины стали иметь равные права с мужчинами. Советские женщины смогли реализовываться в мужских профессиях и добиваться больших результатов. А в годы Отечественной войны их маскулинность только укреплялась в отсутствие мужчин, вынужденных воевать. Женщины не только выполняли свои женские функции — рожали и растили детей, но и становились за станки, на сложные и тяжелые мужские работы — пахали, ковали, таскали, управляли и Моя прабабушка осталась с четырьмя детьми, отправив воевать мужа, и спасала — кормила, лечила от ран и выхаживала — раненого немца у себя в сарае в деревне.

Безумное горе заставило женщин отдавать своих отцов, мужей и детей на смерть. Не было ни одной семьи, которой не коснулось бы горе потери, смерть близкого.

Русская женщина, растившая детей, отдавала их войне. Прошла война. СССР стал страной победившего феминизма. Даже в космос русская женщина полетела вскоре за мужчинами. Не это ли доказательство равенства возможностей.

Где-то я читала, что советская женщина подавила в себе горе, закрылась от всех эмоций и стала безмолвной, холодной. Даже помню прочитанную метафору: «женщина-мать с пустой высохшей от боли и потерь грудью».

Так ли это? А может, мне просто хотелось бы думать по-другому. Откуда у нас, как ни у какого другого народа, возник «институт бабушек» — это ведь типично русская история? Русские женщины, терявшие мужчин на протяжении всего 20-го века, превратились в матерей тревожных и переживательных за своих чад. Они пристраивали их своим мамам, а мамы брали на себя материнские функции очень ответственно. Бабушки возникали, даже несмотря на то, что в СССР — единственной стране мира, государство давало женщинам длительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Но тревожные

Что ж тогда получается: у потомков советских людей «записаны» страдания и трагедии наших прошлых поколений? И именно переживание страданий, принятие своего жизненного опыта вынуждают или формируют принятие реальности жизни?

матери, выходившие из декрета раньше, считали, что у «бабушек» лучшие условия по сравнению с яслями и детсадами.

«Бабушка» — слово, умиляющее иностранцев. Их удивляет такое заботливое участие бабушек в жизни внуков. Там же другие ценности: комфорт и свобода личности, а потому в 14 лет детей отправляют из дома в жизнь, а пенсионеры путешествуют по миру, не зная ухода за внуками, как у нас. А еще западным мужчинам, ищущим русских жен, очень нравится, что русская мать не сваливает заботу о детях на мужа, она сама с удовольствием занимается детьми, да еще и очень активно и ответственно. Развивает ребенка всесторонне: лучшие учителя, спорт, культурное развитие — русский ребенок настойчиво развивается русской матерью.

Не от трагизма ли и потерь такой гипервклад в развитие детей?

Русской и советской женщине на протяжении 20-го века приходилось выживать, спасать, сохранять и растить.

Что же стало с русской, уже не советской женщиной? Она прошла страшные 90-е. Когда нечем было кормить детей, когда приходилось за талоны и за копейки работать на нескольких работах, когда учительницы, врачи, научные работницы мыли полы в подъездах, тогда, когда убивали на улицах. Русская мать снова пыталась сохранить свое чадо. Мать кормила его, а не себя, она вкладывалась в его будущее, пытаясь сохранить ценность учебы, знаний, развития.

Русская мать известна в западном мире тем, что она до сих пор кормит своего младенца грудью. Когда во всем цивилизованном мире женщины сохраняют свою красоту, форму груди, здоровье, сон. Нас же учил американец Бенджамин Спок — пусть младенец покричит, помните: главное, чтобы маме было удобно. Ан нет, русская женщина кормит грудью, да еще и по требованию своего грудного младенца. Не прижился у нас Бенджамин Спок. У нас возникли специалисты по грудному вскармливанию в огромном количестве.

Что передает со своим грудным молоком русская-советская женщина своему ребенку, «чем она его кормит»? Здесь можно говорить о нашей национальной травме — о трансгенерационной передаче горя.

Большая Медведица плачет над павшим бойцом.
Ну что ты рыдаешь, Медведица, всем напоказ?
Ведь плач этот мама солдата увидит сейчас!
Увидит и скрюченной жизнью уткнется в проем.
Медведицей будет живой притворяться потом.
Мычать и смотреть сквозь кресты далеко-далеко,
Не зная, куда ей любви отдавать молоко.

Это стихи современного поэта Влада Маленко.

Мать, потерявшая сына-солдата, будет отдавать другим свое молоко любви.

Разве не так это было?

Хочу рассказать историю Марии Матвеевны Фроловой, простой русской женщины, рожденной в конце 19-го века. Она родила 12 детей — 10 сыновей и 2 дочерей. Так случилось, что рожала она детей в предвоенные годы и, подрастая, шли ее сыновья друг за другом воевать. Она не прятала их, не отмазывала от армии. Старших призвали, а средние и младшие сами просились за братьями идти Родину защищать от захватчиков. Получала мать письма и весточки с фронта и принимала безвременные смерти своих сыновей. А от денег отказывалась, пусть, говорила, их жены и дети получают, им важнее. И так отдала она войне 8 сыновей, и только через 25 лет после ее смерти узнали люди о ее судьбе. И поставили в 2004 году в маленьком городке Задонске памятник матерям Великой Отечественной, отдавшим войне своих сыновей.

Соседи вспоминали ее — сидит старушка у дома своего и всегда для проходящего пацаненка в руке у нее гостинчик оказывался. Сама не ела — детям проходящим давала. Набожная была, в Бога верила. Может быть, верила, что свидится в Царствии Небесном с мальчиками своими, которых война забрала.

Так было в ВОВ, так происходит и сейчас. Сейчас у нас СВО. И наши матери снова теряют своих сыновей, а жены — мужей. Айдысмаа Монгуш, женщина, мать, ветеран СВО, военный медик: «Я — медик, он штурмовик – так и встали на защиту Родины. И мне как сопровождающей эвакуационного взвода, к большому сожалению, пришлось эвакуировать тело своего погибшего мужа. Так мы встретились, так мы увиделись, так мы вернулись оба домой».

Какие силы нужны женщине-матери, какие нечеловеческие способности! Или, наоборот, человеческие? Неужели женские? Откуда у женщины такая внутренняя сила?

Я в детстве обожала мультфильм про Василису Микулишну, которая пошла своего мужа-богатыря из плена татарского спасать. Я восхищалась этой тонкой, красивой, хрупкой с виду женщиной, как она не побоялась, решилась пойти на такое.

И Айдысмаа пошла за мужем. Пошла спасать, лечить, помогать нашим мужчинам, для которых слова «Родина» и «надо» — не просто слова. И таких женщин немало. Простые, обычные женщины, женщины-матери.

Помню, я смотрела на фотографию Марии Матвеевны Фроловой — спокойное светлое лицо обычной женщины. Ни злости, ни обиды, ни укора.

Как лицо Божьей Матери на православных иконах.

Для меня психоаналитик — это мать принимающая, терпеливая, мечтающая и способная мыслить. Мыслить — это тяжело, часто это невыносимо. Потому что мыслить — это не вытеснять, не диссоциировать, а принимать и выдерживать боль мощнейших, невыносимых, непонятных, охватывающих нас эмоций от собственной беспомощности.

Но я верю, что способность матери-аналитика выдерживать, справляться и осмыслять боль пациента, трансформируя ее в переносимые страдания, дает возможность пациенту присвоить себе свою жизнь, стать в ней субъектом или агентом действия.

Для меня символ русского материнского контейнера — православная икона Божией Матери.

Я думаю, особенность русского материнства, помимо трагизма истории, еще стоит на тысячелетней православной вере. Она оказалась настолько сильной, что не истребилась несколькими десятилетиями официального времени безбожья.

Мария держит сына своего Иисуса на руках — лицо ее спокойно, но как будто глаза наполнены грустью. Нет, не слезами. Глаза удивительные. Взгляд несет какое-то глубокое вселенское знание. Знание о трагической судьбе своего сына — он примет на себя страдания за все грехи человеческие. И пойдет на Голгофу. Она знает, что он будет страдать, знает, какие невыносимые мучения он понесет, но она принимает его судьбу. Она может только нести эту боль и горевать о том, что у ее ребенка такая судьба.

Стихотворение Некрасова Н.А. «Мать»

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! Зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!».
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка...

«Мама, я ухожу на фронт», — говорит сын своей матери. Мать знает, что он может погибнуть. Ее душа переполнена болью. Русские говорят: «Сердце кровью обливается». Больно. Но мать принимает его судьбу, отдельность своего сына. Его право жить свою жизнь. Она несет эту боль в своей душе.

Что ж тогда получается: у потомков советских людей «записаны» страдания и трагедии наших прошлых поколений? И именно переживание страданий, принятие своего жизненного опыта вынуждают или формируют принятие реальности жизни? Не история ли нашей многострадальной земли помогает русским женщинам?

Мы все несем эту травму — потерю мужчин. Может, поэтому русская мать-аналитик так «вынашивает» своих пациентов?

Может быть, поэтому многие уехавшие из России и давно живущие там женщины ищут аналитиков-женщин здесь, чтобы стать матерью. Это уже не единичные случаи.

Может, в этом и есть наша русская материнская идентичность, что мы можем смотреть смерти в лицо и принимать трагическую реальность нашей жизни и жизни наших детей-пациентов.

Может быть, душа нашей женщины, пережившей трагедии и потери, — это ее материнский контейнер, это ее способность чувствовать, принимать инаковость, выдерживать душевную боль и переваривать/трансформировать эту боль в выносимые страдания.

Мы, терапевты, психоаналитики, дети и внуки этих советских русских многонациональных женщин, пытаемся говорить с нашими пациентами об их боли, катастрофах, кошмарах, ужасах и страдании, о которых с ними в большинстве случаев никто не говорил.

Для меня психоаналитик — это мать принимающая, терпеливая, мечтающая и способная мыслить. Мыслить — это тяжело, часто это невыносимо. Потому что мыслить — это не вытеснять, не диссоциировать, а принимать и выдерживать боль мощнейших,

Мы все несем эту травму — потерю мужчин. Может, поэтому русская мать-аналитик так «вынашивает» своих пациентов?

невыносимых, непонятных, охватывающих нас эмоций от собственной беспомощности. Боль не просто каких-то желаний, а часто базовых потребностей, которые не удовлетворяются. Боль ежедневных множественных фрустраций.

Говорить — это легко, а вот сделать непросто. «Доля ты, русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать».

Лет 5 назад ко мне в терапию пришла женщина 50 лет. Она была старшей нелюбимой дочерью, отправленной матерью в 17 лет из родного города в маленький провинциальный городок учиться. Там в общежитии ее изнасиловали, это было в 90-е годы, жуткое время, еще и в далекой провинции. Она не признавалась даже себе в своей беременности до 8-го месяца, потом родила сына и не смогла отказаться от него, как планировала. Так и прожила с ним 30 с лишним лет в колоссальной неосознанной вине, не то, что замуж не сходила, так еще и в отношениях больше 4 месяцев с мужчинами не была. И вот почти в 50 лет захотелось ей осознать свой опыт, присвоить его себе, прожить и пережить. Очень непросто было нам с ней. Но мы дошли туда, в ту непризнаваемую беременность и то насилие, над которым невозможно было плакать 30 с лишним лет.

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Наша профессия невозможная по многим причинам, но я думаю, еще и потому, что иногда кажется невозможным вынести то количество боли, которое приносит нам наш пациент.

Но я верю, что способность матери-аналитика выдерживать, справляться и осмыслять боль пациента, трансформируя ее в переносимые страдания, дает возможность пациенту присвоить себе свою жизнь, стать в ней субъектом или агентом действия.

И мы стараемся выполнять свою материнскую функцию с нашими пациентами. Стараемся как можем. Мне хочется верить, что у нас, русских советских многонациональных женщин, это получается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахматова А. А. «Реквием: стихотворения и поэмы», «Распятие.2», 1940, Москва. Издательство АСТ.
2. Маленко Влад «Медведица», ТГ-канал автора, 28.03.25.
3. Некрасов Н. А. «Стихотворения и поэмы». Пермь. Книжное издательство, 1979.
4. Озерова Е. «Восемь сыновей забрала война...» moe-lipetsk.ru, 2019.
5. Эльячефф К., Эйниш Н. «Дочки — матери. 3-й лишний?» Институт общегуманитарных исследований, Москва, 2006.